

Мудрак О.А.

Якутская подгруппа.

Сравнительная грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции.

Отделение якутской ветви (включающей в себя якутский и долганский языки) от основного ствола тюркских языков произошло довольно рано на рубеже нашей эры, т.е. в те времена когда северные гунны ушли в притяньшанье и на южный Алтай. Во времена становления II тюркского каганата происходит разделение пратувинской и праякутской ветвей. После миграции племен на верхнее и среднее течение р. Лены наступил период изоляции, и якутский язык практически не подвергался воздействию общетюркских изоглосс. С другой стороны, происходили контакты с тунгусоязычным населением и племенами, говорившими на палеоазиатских языках. Из-за этого часть фонетических и морфологических инноваций, наблюдаемых в якутском языке, является следствием языкового союза, а не перестройкой системы, присущей для остальных тюркских языков.

В области консонантизма произошли существенные изменения.

1. Пратюркские велярные стали увулярными только перед следующим широким гласным заднего ряда. Т.е. перед **i* и **u* развитие согласного совпадало с развитием обычным для контекстов перед гласными переднего ряда. В случаях, если этимологически широкий гласный давал дифтонг, то развитие велярных определялось первой частью дифтонга. Закрывающий слог велярный также вел себя аналогично, и в зависимости от подъема гласного, находящегося перед ним давал или увулярные, или велярные рефлексy. Только таким образом можно объяснить удивительные для стандартно-тюркских языков рефлексy типа *küöx* < **gök*. Увулярный *x* в части диалектов произносится как аффриката в превокальной позиции и орфографическая норма написания отражает лишь различие увулярных и велярных, а не степень спирализации.

2. Довольно рано совпали рефлексy **ç*, **s* и **š* < **t*, **z* < **t* в позициях после гласных. Аффрикатные рефлексy **ç* еще наблюдаются после сонантов, а в интервокальной позиции и в конце слога через ступень *ʒ* произошла нейтрализация этих согласных. Судя по развитию в *-h-* и *-t* на определенном этапе спирант, являвшийся наследником этих фонем был дентальным. Вполне вероятно, что это произошло под влиянием **s*, исторически развитие в *0-* < **h-* возможно только через ступень **ʒ*, что подтверждается данными башкирского языка, некоторыми специфическими респонденциями в ногайских языках, а также развитием **s* в иранских языках, это может указывать на евразийскую фонетическую изоглоссу. Начальное **ç-* дает *s-*.

3. Начальный **j-* дал аффрикатный рефлекс и уже позже перешел в *s-* (процесс происходил после утери этимологического **s-*). Следы аффрикатизации **j-* отмечаются во всех современных тюркских подгруппах за исключением только огузской, и якутский язык здесь продолжает общетюркское развитие.

4. Пратюркские *t и *t' как и во многих других тюркских языках дали сначала спирантные рефлексы глухой и звонкий соответственно, локальный ряд для праякутского определить затруднительно из-за последующего совпадения и нейтрализации рефлексов аффрикат и спирантов.

5. Пратюркское *b- в анлаутной позиции перешло в m- при носовом согласном на границе первого и второго слогов. Это развитие также присуще большинству тюркских подгрупп.

6. Пратюркское *n- дало назализованные рефлексы типа -ñ- или -ñ- (различия диалектальные), в ауслауте *n перешло в -j, хотя исторически влияло на реализацию *-a-.

7. Пратюркское *-d- в поствокальной позиции развилось в -t(-). После дентальных сонантов этот согласный ассимилируется в отличие от большинства современных тюркских языков, где наступает нейтрализация *-t- и *-d-. Различие раннеякутских d и t можно установить только для аффиксов, которые встречаются в позициях после гласных и разных согласных.

8. Анлаутное противопоставление глухих (~ придыхательных) и звонких (~ непридыхательных) согласных было утеряно довольно рано, что напоминает ситуацию в большинстве тюркских языков за исключением огузских и тувинско-тофаларских.

9. Наряду с чувашским якутский отражал особым рефлексом *a и *e, эти гласные становились гласными верхнего подъема (i, i), огузские закрытые гласные в большинстве случаев возникали под влиянием окружающих согласных, а нетривиальное совпадение в рефлексации якутского и чувашского может показывать только на праязыковой характер различия "закрытых" гласных. Наблюдается вторичный переход в узкий гласный перед мягким носовым или сочетанием носового с -j-. Например, ij 'Луна' < *ān, kñjat 'крыло' < *kajnat, tij 'заря' < *tañ, kimñt 'плеть' < *kamčt. Иногда при смене рядности корневой основы, вместо переднерядного варианта обнаруживается заднерядный, контексты, в которых происходит данный переход до конца не ясны, однако, заслуживает внимание наличие заднерядных вариантов в части диалектов огузских языков (особенно азербайджанских диалектов: sauz 'восемь', ouz 'бык' и др.).

10. При соответствии тувинского i/#a- и чувашского i < *a, в якутском отмечены огубленные рефлексы: xomus 'камыш' < *Kaṃuś, xomuos 'поварешка' < *Kaṃiś, orduk 'сверх' < *artuk, uosās 'молозиво' < *aguś-aś и др.

11. Исторические пратюркские долгие гласные среднего подъема перешли в дифтонги в первом слоге (*ē > ie, *ō > io, *ö > iö). В непервых слогах наиболее частотное *ē дает ē, а не дифтонг. Долготные рефлексы типа ō и ȳ в первом слоге являются результатом стяжений (упрощений групп согласных), а в непервых слогах фонологически неотличимы *ē или *ā из-за губной аккомодации. Про это распределение иными словами говорится в пятитомнике "Языки народов СССР": "Вокализм корня несколько отличается от вокализма аффиксов. В неподвергшемся стяжению корне могут

быть только 5 долгих гласных \bar{a} , \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ и три дифтонга ie , uo , $üö$. В аффиксах же бывают все долгие гласные и дифтонги \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} , $\bar{ö}$, \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$, ia , uo , ie , $üö$."

12. Конечный широкий гласный в глагольной основе обязательно является долгим, а узкий получает "соединительный" согласный $-j-$, который исчезает при аффиксе, начинающемся на согласный.

13. При стяжении сочетаний с $*-g(-)$ и $*(-)j(-)$ возникает "новый" дифтонг ia .

14. В непервых слогах долгие гласные подвергаются междуморфемным сандхи, типа $ah\bar{a}-$ 'есть', $ahan-$ 'употребляться в пищу', $ah\bar{a}x$ 'поедим-ка', $ah\bar{r}$ 'есть (Fut.)'.

15. В конечном положении $*-rk$ переходит в $-rt$, при наличии чередования перед гласными следующего слога. Данный процесс характерен также и для тувинского.

16. При сочетании двух шумных согласных или сочетании первого шумного с сонантом наблюдается только сочетание двух глухих шумных с вторичной переходом сонанта в шумный.

Именное и глагольное словоизменение в большей части отражает пратюркскую систему. Историческое происхождение аффиксов и сфера их употребления указывают на большую похожесть со "стандартно-тюркскими" языками, чем, например, с болгарской ветвью (чувашским языком). Влияние контактировавших тунгусских языков повлияло на перестройку старой системы, отмечаются даже заимствования некоторых аффиксов, однако, вопреки Радлову В.В., якутский не является отуреченным тунгусским.

При образовании множественного числа у имен существительных обнаруживаются архаичные соответствия с древнетюркским языком. Хотя в качестве основного показателя используется популярный во многих тюркских языках аффикс $*-lar$, для части имен наблюдается аффикс $*-t$, иногда со вторичным добавлением "универсального" первого аффикса. Судя по материалам памятников $*-t$, имеющий хорошие алтайские параллели, активно использовался только для личных имен: ср. $tegin \sim tegit$ 'принц', $o\bar{u}lan (o\bar{u}ul) \sim o\bar{u}lit$ 'потомки, дети', $tarqan \sim tarqat$ 'наместник', $j\bar{i}lra\bar{y}ut$ 'герой', $jegin \sim jegit$ 'племянник, слуга (джигит)' и т.д. В якутском представлено большее количество имен с данным аффиксом: $k\bar{i}rgit-tar (*k\bar{i}rkin)$ 'девушка', $uolat-tar$ 'сын', $eret-ter (*er)$ 'муж', $hotut(-tar)$ 'хозяйка' ($*katun$), $tojt(-tor)$ 'начальник' (монг. $tojun$ 'монах') и др. Регулярно в таких случаях отпадает конечное $*-n$, $*-r$ при присоединении показателя множественного числа $*-t$. В некоторых случаях старое множественное число переосмысленно как единственное, например, $kulut$ 'раб' ($*kul$), $kijit \sim k\bar{i}nit (*g\bar{e}lin, *g\bar{e}lni-)$ 'невестка' и т.д.

Имя существительное

В предикативной функции существительные принимают аффикс сказуемости в

зависимости от лица субъекта:

1Sg. -bîn (*-men) 1Pl. -bît (*-mîr)
2Sg. -yîn (*-sen) 2Pl. -yît (*-sîr)
3Sg. -0 3Pl. -lar (*-lar)

Исторически эти аффиксы восходят к личным местоимениям, за исключением простого присоединения -lar в 3л. мн.ч. Начальные согласные имеют варианты типа b ~ p, l ~ d ~ t ~ n, g ~ k. Распределение рефлексов по ауслату основы. Интересно положение со вторым лицом. Интервокальное *-s- дает -h-, но по контаминации с посессивным показателем -ŋ (см. ниже), приведшем к переходу -h- > -y- (что фонетически объяснимо из-за близости локальных рядов артикуляции), произошло выравнивание с типичным для корневых основ правилом запрещающим фонемы х и ү перед гласными верхнего подъема и дифтонгами. В результате промежуточное -y- совпало с -g-, восходящим к *-k-. Денализация в показателях первого лица *-m присуща и другим тюркским языкам (особенно Сибири и кыпчакской подгруппы), аналогичное развитие произошло в глагольных показателях -bat (*-mar/s), -bît (*-mîl), -bataq (*-madak), отрицательного показателя -ba- (*-ma-).

Посессивные аффиксы (принадлежности) имеют следующий вид:

1Sg. -m 1Pl. -bît (*-mîr)
2Sg. -ŋ 2Pl. -yît (*-ŋîr)
3Sg. -(d)a/-(d)i- 3Pl. -lar-a/-lar-i- (*-lar)

Денализация во 2Pl. аналогична тем случаям, которые представлены выше. Они также показывают возникновение "победившего" варианта -ġît в двух системах, в первом случае из *-sîr, во втором из *-ŋîr. Показатель 3Sg. восходит к ареальному пратюркскому распределению *-sî (поствокальная позиция) и *-î (постконсонантная позиция). Широкий гласный в номинативе явно вторичен, т.к. при изменении по падежам вместо него выступает -î-, как и в остальных тюркских языках. Соответствие стандартно-тюркскому *-sî в виде -tV как бы указывает на геминнацию или ауслатную позицию согласного (см. выше), но стоит обратить внимание на два факта:

Распределение *-î и *-sî не было чисто морфонологическим для пратюркского, на что указывает чувашский, где второй вариант только для терминов родства и слова 'теленки'. Исторически по результатам сравнения с другими алтайскими и ностратическими языками это является результатом контаминации двух местоимений 3Sg. для большинства тюркских языков с последующей морфонологической реинтерпретацией. В монгольских языках похожая ситуация: смешиваются два местоимения 3Sg. *-î(n) и *-a(n) с новым перераспределением по виду оформляемой основы, они также имеют разные алтайские этимологии. Если учитывать, что в

монгольской традиционной орфографии данный показатель пишется всегда отдельным словом, а в руническом тюркском *-sı часто даже при заднерядных основах знаками для переднерядных основ (т.е. не происходит уподобления по гласным внутри словоформы) и регулярную переднерядность во всех случаях в чувашском в этом аффиксе, то можно с большой степенью уверенности считать маркеры 3Sg. не суффиксами, а клитиками и нетривиальное развитие в якутском как особое развитие на границе двух лексем, позднее ставших одной. С другой стороны единственный глагольный аффикс с начальным *-s- условного наклонения *-sar в якутском также имеет отражение -t-, а не -h-, так же ведет себя показатель 3 л. императива *-sun. Морфонологически они соответствуют якутскому -d- через историческую ступень ʒ- на морфологическом шве.

Частный падеж в морфонологическом якутском варианте *-da восходит к местному или отделительному падежу на пратюркском уровне. Совпадение таких значений хорошо отмечено для рунических тюркских памятников. При склонении с личными окончаниями 3Sg. отмечается довольно редко и имеет вид -ina, восходящий к *-in-na < *-i-n-da.

Дательный падеж восходит к морфонологическому варианту на *-ya из пратюркского *-ka. Это типичный показатель для кыпчакских, карлукских языков и части языков Сибири. При посессивном склонении употребляется -igag соответствующий древнетюркскому -ragi в местоименном склонении. Деназализация прошла по тем же причинам, что и в показателях притяжания, а из-за предыдущего -i-, получившееся -y- перешло в -g- по правилам фонотактики.

Исходный падеж имеет вид *-tan. В этом аффиксе -t- никогда не ассимилируется, т.е. не восходит к *-d- в отличие от местного падежа. Подобное распределение наблюдается для рунического древнетюркского, аблативный показатель, отмеченный в наречных образованиях имеет вид -tın или -tan, а местный падеж - da, и морфонологический вариант -ta после сонантов. В притяжательном склонении отмечен вариант *-itan с ассимиляцией (!) показателя косвенной местоименной основы -n- последующим -t-.

Творительный падеж оформляется показателем *-inan. Представлен он в коммитативе или в инструменталисе (по языкам) в большом количестве тюркских языков-потомков и восходит к пратюркскому сочетанию падежного показателя *-la в сочетании с показателем старого творительного падежа *-n. Первый показатель отмечен в чистом виде в азерб. -la, тур. +ile, тркм. диал. bi-le, салар. -la, узб. -(i)la, халадж. Ğla, Бабур. +bi-le, МК и QB -bir-le, орхон. др.-тюрк. -la, кр.-тат. -la, кар. -bi-la, карач.-балк. -b-la, башк. зап. диал. -be-le, алт. -la, чул. -bi-la, сар.-юг. -la, тув. +bi-le, тоф. -b-la, чув. -ba(-la).

Осложненные показателем старого творительного падежа: гаг. -(j)l/nan, туркм. -lan,

узб. диал. -minɛn, уйг. -lan, халадж. -la(n), каз. -men(en), каракалп. -m̃enɛn, крым.- тат. +nɛn, кумык. +bulan, тат. -lan, сиб.-тат. -(p̃i)lan, -m(in)an, мишар. тат. -m(en)ɛn, бапк. +menɛn, кир. -menɛn, хак. -inaŋ, чулым. -bila(ŋ). Ассимиляция -lv таких случаях отмечена в основном в кыпчакских языках и языках Сибири.

Совместный падеж выражен аффиксом *-l̃n, а с притяжальными аффиксами *-iñn < *in-l̃n. Восходит он также к композиту с показателем старого инструменталиса. Первая часть регулярно соответствует аффиксу совместного падежа -liyu в орхонских рунических памятниках. Назализации в отличие от творительного падежа не происходит и это связано с тем, что -n завершает исторически второй слог данного показателя.

Сравнительный падеж также является сложным. Он имеет вид *-dāxar, в притяжательном склонении *-ināxar < *in-dā- xar. Восходит он по всей видимости к аффиксу праторкского локатива-аблатива *-da и аффиксу директива *-garu.

Из словообразовательных аффиксов можно отметить -sit, соответствующий праторкскому -či, обозначающим деятеля. Морфологически в якутском он осложнен -t, а это окончание множественного числа для людей. О переосмыслении этого показателя с переходом значения в единственное число см. выше. Довольно часто представлены отглагольные аффиксы -ī < *iŷ, -ax < -ak. Любопытно развитие аффикса деятеля при отглагольном образовании. Он имеет вид -āččī с сохранением (!) аффрикаты, это явно связано с тем, что на праторкском уровне между основой глагола был суффикс масдара *-(i)gu, в якутском после выпадения гласного сочетание *-gč- перешло в -čč-, которое в отличие от негеминированного *-č- уже не переходило в спирант. Есть часть словообразовательных аффиксов, заимствованных из монгольского языка: -msax < монг. *-(m)sig уподобительный суффикс, -(lā)-sin < монг. *-su-n суффикс имен действия и др.

Местоимения

Личные местоимения имеют праторкскую этимологию: min 'я' и en 'ты' восходят к праторкским косвенным основам *be-n- и *se-n-, ставшими прямой основой во всех тюркских языках, за исключением чувашского (на архаизм в нем указывают внешние алтайские данные). Местоимение kini 'он' соответствует праторкскому *gendü 'сам', это доказывает поведение при склонении, где в отличие старых личных местоимений, склоняющихся по местоименному склонению, kini ведет себя как регулярное имя существительное и требует в совместном падеже окончание -l̃n, в сравнительном - -t̃ɛɟɛr, не -in-ñn и -in-ñɛɟɛr, как в местоименном склонении. Во множественном числе bihiŋi и ehiŋi соответствуют праторкскому *biŋi и *seŋi. В третьем лице основа kini оформляется

типичным для существительных аффиксом *-lar/-ler* и склоняется по типичному для существительных склонению. Косвенные основы местоимений первого и второго лица, а также прямая основа этих местоимений во множественном числе довольно необычна для остальных тюркских языков. Во-первых, распределение огласовки *-i-* в первом лице и *-e-* во втором. Судя по данным памятников и языков других подгрупп чередование было связано с падежными аффиксами, а не конкретно привязано к лицу. Во-вторых, показатель местоименного склонения по рефлексам отвечает **-ń-*, а не типичному **-n-*. В якутском назализация начального согласного *m̄-* показывает на исконный носовой в начале второго слога, а рефлекс *ej-* с утерей в литературном языке назализации может являться лишь диалектальным. В-третьих, косвенная основа местоимений первого и второго лица осложнена показателем *-gi-n-*, а во множественном числе этот же показатель представлен и в именительном падеже. Поведение этого показателя аналогично показателям третьего лица в притяжательном склонении существительных, что указывает на его исторический местоименный характер. Соответствует он т.н. "эмфатическая" частичка *-kü*, появляющаяся и после имен, и после местоимений, в руническом древнетюркском. Она соответствует указательному местоимению **kö(-n)* 'этот', которое активно используется в чувашском и сарыг-югурском.

Парадигма склонения местоимений в якутском выглядит так:

1л. ед.ч. Ранн. др.-як.

Им.п.	<i>min</i>	<i>min</i>
Вин.п.	<i>m̄gin</i>	<i>m̄ni-ki-n</i>
Дат.п.	<i>miexe</i>	<i>m̄nē-xe</i>
Отл.п.	<i>m̄gitten</i>	<i>m̄ni-ki-n-ten</i>
Тв.п.	<i>m̄ginen</i>	<i>m̄ni-ki-n-le-n</i>
Совм.п.	<i>m̄ginn̄n</i>	<i>m̄ni-ki-n-l̄n</i>
Срав.п.	<i>m̄ginnēyer</i>	<i>m̄ni-ki-n-dē-yer</i>

2л. ед.ч. Ранн. др.-як.

Им.п.	<i>en</i>	<i>en</i>
Вин.п.	<i>ejgin</i>	<i>eńi-ki-n</i>
Дат.п.	<i>ejiexe</i>	<i>eńē-xe</i>
Отл.п.	<i>ejgitten</i>	<i>eńi-ki-n-ten</i>
Тв.п.	<i>ejginen</i>	<i>eńi-ki-n-le-n</i>
Совм.п.	<i>ejginn̄n</i>	<i>eńi-ki-n-l̄n</i>

Срав.п. *ejjinnēyer čni-ki-n-dē-yer*

Во множественном числе в качестве Им.п. выступают *bihigi* и *ehigi* из раннего древне-якутского **bisi-ki(-n-)* и **esi-ki(-n-)* соответственно, а склонение идет как у имен с притяжательным аффиксом. Ставшее местоимением пратюрк. **gendü* > *kini* склоняется как обычное имя. Особый случай отмечен для дательного падежа. Здесь у всех местоимений показатель *-ē-хе*, он по аналогии распространен и у *kini*. Восходит он пратюркскому варианту *-га* в местоименном склонении с выравниванием носового по остальным падежам и дальнейшим прибавлением показателя того же самого падежа, взятого из именных основ.

Существуют притяжательные местоимения. Они образованы от личных основ, не осложненных показателем **-ki-*. Употребляются эти местоимения в роли любого члена предложения, кроме определений, и изменяются по лично-притяжательному склонению 3 лица. Показателем их является **-ēn-е(i-)*. У имен существительных в якутском очень рано утерян родительный падеж, и только в данных имеющих особый статус притяжательных местоимений он сохраняется и соответствует пратюркскому **(n)ij*. А следом за ним по общеякутскому правилу добавляется личный показатель третьего лица.

Указательные местоимения *bu/ тап-* 'этот', *ol/ ол* 'тот', *iti(n-)* 'этот, тот' имеют обычную общетюркскую этимологию. Последнее представляет этимологическое сложение раннепратюркского местоимения 3 лица **i-* и **ti-*, которое отмечено в киргизском языке, языках Сибири и кыпчакских языках. Конкретизирующие местоимения *subu, sol, siti* образованы от сложения с местоименным показателем. Фонетически он может соответствовать чувашскому указательному местоимению *śu* и восходить к пратюрк. **čV*. Но с другой стороны его можно считать заимствованием из ареального *šu*, которое типично для кыпчакских языков и языков Сибири. Изменяются эти местоимения только в безличном склонении. Отмечены следы исторического местного падежа на **-da* в наречных образованиях *тап-па* 'здесь' и *ол-по* 'там'.

От вопросительной местоименной основы *хап-* (пратюрк. **kap-*) морфологически подобно указательным местоимения при помощи падежных показателей образуются вопросительные наречия *хап-па* 'где', *хап-тан* 'откуда', *хап-ан* 'по какому месту', *хаśа* (<*хап-śа* < тюрк. **kap-śа* с показателем экватива) 'сколько'. Интересно, что непопулярный у прилагательных суффикс **-lik* (пратюрк. **-liŋ*) обнаруживается у местоимений *хап-nik* 'какой', *тап-nik* 'эдакий', *ол-nik* 'такой'. Основа *хаж-*, которая является пратюркским вариантом предыдущей основы представлена в образованиях *хаж-дах* < *хаж-лах* < тюрк. **kaj-lak* 'как, каким образом', *хаја* 'который, где', *хажал* 'как делать' и может быть *хас*

'сколько'. Местоимение *kim* 'кто' имеет общетюркский характер, а с этимологией *tuoh* 'что' есть некоторые проблемы, оно явно связано с *töhö* 'сколько' и возможно соответствует пратюркским парам **ne* и **ne-ße*. Если запрет на начальный носовой в раннем якутском был абсолютен, то переход **n- > t-* вполне допустим, однако, появление огубленного гласного пока не поддается разрешению.

Числительные

Количественные числительные имеют общетюркскую этимологию - *bīr* < **bīr* 'один', *ikki* < **ęki* 'два', *üs* < **ü/öç* 'три', *tüört* < **dört* 'четыре', *bies* < **bēlk* 'пять', *alta* < **altı* 'шесть', *sette* < **jeti* 'семь', *açıs* < **sekir* 'восемь' (любопытно, что задний ряд в этом числительном отмечается также и в азербайджанских диалектах), *toçus* < **dokur* 'девять', *uon* < **ōn* 'десять', *sūrbe* < **jegürm[i]* 'двадцать', *otut* < **otur* 'тридцать', *sūs* < **jūr* 'сто'. Как и в тувинской ветви названия десятков больше тридцати замещены сочетанием количественного числительного и словом 'десять'.

Порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-s* < **-nı*. Чередование *-ş* в конце слога ~ *-nç-* отмечено в древнетюркском, это глаголы типа **sanı-* 'толкать', дающие соответственно варианты *saş* ~ *sanç-*, а в якутском *as* ~ *anç-*. Исторические названия месяцев, образованные от порядковых числительных в сочетании с **ān* 'месяц', як. *ij*, доказывают по рефлексам исходное происхождение из **-nı*: *setinni* < *setiin-nı-ij* < **jetinı ān* 'ноябрь', *ax-sinni* < **sekirinı ān* 'декабрь', *toxsunnu* < **tokurinı ān* 'январь', *olunnu* < **onunı ān* 'февраль' (с диссимиляцией двух *n*).

Собирательные числительные имеют аффикс *-ıa(n)*, восходящий к пратюркскому **-agu(n)*, вероятно через ступень **-ag* (ср. *tia* 'лес' < **dāg* 'гора').

Разделительные числительные имеют показатель *-lı*, этимология которого не ясна.

Приблизительные образуются с помощью аффикса *-ça*, восходящему к пратюркскому эквиваленту **-ça*, однако нерегулярное сохранение *-ç-* может указывать на заимствованный характер данного аффикса.

Имя прилагательное

Имена прилагательные в якутском языке в отличие от прилагательных других тюркских языков морфологически и семантически резко отграничены от имен существительных и наречий. Отличаются от существительных наличием грамматической категории интенсива, а от наречий тем, не употребляются в качестве обстоятельства образа действия. Большинство активно употребляемых прилагательных соответствуют

таким же образованиям в остальных тюркских языках, как правило, они оформлены непродуктивными в настоящее время словообразовательными аффиксами $\bar{i} < *-\bar{i}g$, $-Vx/-Vk < *-\bar{V}k$, $-\gamma a\check{s} < *-\bar{g}a\check{s}$, $-i\bar{l} < *-\bar{i}l$ и некоторыми другими. Довольно рано был заимствован аффикс $-\gamma a\check{s}$ из монгольского для образования прилагательных от образных глаголов. Аффикс звукоподражательных, образных отглагольных прилагательных $-s$ восходит к пратюркскому $*-\bar{s}$, дававшему в других языках $-\check{s}$. Исторически это показатель отглагольного имени (масдара). К продуктивным словообразовательным аффиксам прилагательных относится $-g\bar{i} < *-\bar{k}i$. Он присоединяется к именам, оформленным старым инструменталисом или локативом: $saj\bar{i}\eta\eta\bar{i}$ 'летний' $< *j\bar{a}j-i\bar{n}-k\bar{i}$, $i\bar{h}i\bar{n}\bar{e}\bar{y}\bar{i}$ 'находящийся внутри' $< *i\check{s}-i\bar{n}-d\bar{e}-k\bar{i}$ и др.

Глагол

В словоизменении и в образовании залоговых форм якутский сохраняет за некоторыми исключениями ситуацию типичную для пратюркского, не смотря на то, являются ли глаголы глаголами действия или состояния или образными глаголами. Основные формы словоизменения глагола типичны: причастия, деепричастия и финитные формы глагола.

Наиболее употребительные причастия $-ar/ -\bar{i}r$ (при отрицании $-bat$), $-b\bar{i}t$ (при отрицании $-batax$), $-\bar{i}ax$ (при отрицании $-(\bar{i})m\bar{i}ax$) имеют пратюркские прототипы. Первое - это причастие настоящего-будущего времени пратюрк. $*-ar$, $*-ur$, $*-\bar{i}r$ послесогласного и $*-jur$ после гласного (к нему и восходит узкий долготный якутский рефлекс, второе - причастие прошедшего времени $*-m\bar{i}l > *-\bar{m}\bar{i}\check{s}$ в части языков, третье λ $*-agu$ - причастие будущего времени, а также показатель супина, возможно в якутском представлено более хитрое развитие $-\bar{i}ax < -\bar{i}hax < \text{ран.як. } -\bar{i}sax < \text{пратюрк. } *-\bar{a}\check{s}ak$. При отрицании исходной являются пратюркские эквиваленты $*-ma-\bar{r}/r-$, $*-ma-duk$, $*-ma-(a)gu$. О денализации формантов уже говорилось выше при рассмотрении личных окончаний. Эти причастия могут входить в сложные новообразования уже на якутской почве типа $-\bar{i}a\ \text{suox} (< *-\bar{a}gu\ j\bar{o}k)$, $-\bar{i}ax\bar{t}\bar{a}x (< *-\bar{a}gu-l\bar{a}k)$ и др.

Из деепричастий необходимо упомянуть основные - сопутствующее деепричастие $-a/ -\bar{i}$ (при отрицании $-bakka < *batxa$), оно восходит к пратюрк. $*-a/ *-\bar{j}a$ (возможно даже оно генетически связано с причастным показателем) и $*ma-\bar{r}-ka$ с показателем датива от соответствующего причастия. Предшествующее деепричастие $-an$, с отрицанием $-(\bar{i})m\bar{i}na$ - пратюрк. $*-gan$ причастие законченного прошедшего времени, и отрицательное деепричастие $*-ma-i\bar{n}V > \text{огуз. } *-\bar{m}\bar{a}n\bar{i}$, хак. $-b\bar{i}na-\eta$. Непосредственно предшествующее деепричастие $-\bar{a}t$ - пратюрк. $*-\bar{g}a\check{s}$, в отличие от других деепричастий в якутском оно выступая в роли сказуемого имеет личные показатели и винительный падеж, что с большей вероятностью указывает на исторически причастный характер. Деепричастие цели $-\bar{a}r\bar{i} (-(\bar{i})m\bar{a}-r\bar{i})$ надежной тюркской этимологии не имеет. Касаясь назализованных

форм в аффиксе отрицания, обратим в внимание, что во всех данных случаях следующий аффикс начинается в якутском с гласного, и это явно якутский морфонологический процесс помешал переходу *-m- в -b-.

Переходя к финитным формам глагола необходимо отметить, что по спряжениям кардинально различаются только два наклонения повелительное и все остальные. Среди остальных исторические личные показатели были присущи лишь некоторым парадигмам, для пратюркского это прошедшее результативное изъявительного наклонения на *-dī и условное наклонение на *-sa(r), -это собственно глагольные формы, а также вторичные времена, образованные на их базе. Остальные времена образовывались с помощью аффиксов сказуемости как у имен существительных. Парадигма чисто глагольных аффиксов первой группы очень похожа на личные окончания имен, но на пратюркском уровне все же отличалась, ср. *-k в 1л. мн.ч., *-sıŋıŋ 2л. мн.ч. Без сомнения они влияли друг на друга, и в большинстве современных языков личные окончания имен и глаголов первого типа фактически совпадает. То же самое наблюдается в якутском языке. Характерной особенностью его по сравнению с другими тюркскими является очень широкая возможность использования личных аффиксов (перфектных) при образовании от основ других времен.

Сначала рассмотрим глагольные времена и наклонения с аффиксами сказуемости, т.е. исторически восходящие к причастным формам (названия времен и наклонений даются по Убрятовой).

Настояще-будущ.

1ед. -a/ı-bın 1мн. -a/ı-bit

2ед. -a/ı-ıŋın 2мн. -a/ı-ıŋıt

3ед. -a/ı-ŋ 3мн. -a/ı-ŋ-lar

при отрицании

1ед. -bat-bın 1мн. -bat-bit

2ед. -bat-ıŋın 2мн. -bat-ıŋıt

3ед. -bat 3мн. -bat-lar

Отметим, что это образование от причастия на -a/ıŋ, причем наличие -ŋ характерно только для 3 лица. Это характерно и для части других тюркских языков, что является непредсказуемым и отражает пратюркский архаизм. Особый статус -ŋ виден во множественном числе, где не происходит диссимиляции в -rd-, как в именах, а наоборот наблюдается ассимиляция слабого -r.

При прибавлении после причастия аффикса $-l\bar{a}x < *-lak$ получается настояще-будущее долженствования. С помощью этого аффикса значение долженствования проявляется и в будущем времени, а для прошедших времен актуальным является значение эпизодичности. Наст.-буд. долж. 1ед. $-a/i\bar{r}-l\bar{a}x-b\bar{i}n$, $-bat-l\bar{a}x-b\bar{i}n$, буд. долж. 1ед. $-i\bar{a}x-l\bar{a}x-b\bar{i}n$, $-(i)m-i\bar{a}x-l\bar{a}x-b\bar{i}n$.

Прош.-результ.

1ед. $-b\bar{i}t-b\bar{i}n$ 1мн. $-b\bar{i}t-b\bar{i}t$

2ед. $-b\bar{i}t-\bar{y}\bar{i}n$ 2мн. $-b\bar{i}t-\bar{y}\bar{i}t$

3ед. $-b\bar{i}t$ 3мн. $-b\bar{i}t-lar$

при отрицании

1ед. $-batax-b\bar{i}n$ 1мн. $-batax-b\bar{i}t$

2ед. $-batax-\bar{y}\bar{i}n$ 2мн. $-batax-\bar{y}\bar{i}t$

3ед. $-batax$ 3мн. $-batax-lar$

С аффиксом $-l\bar{a}x$ прошедшее эпизодическое "2 а)" - 1ед. $-b\bar{i}t-l\bar{a}x-b\bar{i}n$, $batax-l\bar{a}x-b\bar{i}n$.

Условн.

1ед. $-dar-b\bar{i}n$ 1мн. $-dar-b\bar{i}t$

2ед. $-dar-\bar{y}\bar{i}n$ 2мн. $-dar-\bar{y}\bar{i}t$

3ед. $-dar$ 3мн. $-dar-lar$

при отрицании

1ед. $-badar-b\bar{i}n$ 1мн. $-badar-b\bar{i}t$

2ед. $-badar-\bar{y}\bar{i}n$ 2мн. $-badar-\bar{y}\bar{i}t$

3ед. $-badar$ 3мн. $-badar-lar$

Здесь в отличие от тюркских памятников и современных языков используются не личные окончания, а аффиксы сказуемости, что очевидная инновация.

Утверд.-предполож.

1ед. $-i\bar{s}i-b\bar{i}n$ 1мн. $-i\bar{s}i-b\bar{i}t$

2ед. $-i\bar{s}i-\bar{y}\bar{i}n$ 2мн. $-i\bar{s}i-\bar{y}\bar{i}t$

3ед. $-i\bar{s}i$ 3мн. $-i\bar{s}i-lar$

при отрицании

1ед. $-(i)m-i\bar{s}i-b\bar{i}n$ 1мн. $-(i)m-i\bar{s}i-b\bar{i}t$

2ед. -(i)m-īsi-γin 2мн. -(i)m-īsi-γit
3ед. -(i)m-īsi 3мн. -(i)m-īsi-lar

Исторически это соответствует общетюркскому показателю *-as(i) для будущего времени.

Предполож.

1ед. -dax-bin 1мн. -dax-bit
2ед. -dax-γin 2мн. -dax-γit
3ед. -dax 3мн. -dax-lar

при отрицании

1ед. -badax-bin 1мн. -badax-bit
2ед. -badax-γin 2мн. -badax-γit
3ед. -badax 3мн. -badax-lar

Аффикс восходит к пратюрк. *-duk.

Возможн.

1ед. -āja-bin 1мн. -āja-bit
2ед. -āja-γin 2мн. -āja-γit
3ед. -āraj 3мн. -ājar-lar

при отрицании

1ед. -(i)m-āja-bin 1мн. -(i)m-āja-bit
2ед. -(i)m-āja-γin 2мн. -(i)m-āja-γit
3ед. -(i)m-āraj 3мн. -(i)m-ājar-lar

Это слившееся словосочетание глагола в форме соединительного деепричастия на *-а со вспомогательным глаголом *u- 'мочь' в настояще-будущем времени. Метатеза r и j в 3 лице единственного числа вторична.

Теперь рассмотрим образование парадигм с личными окончаниями:

Недавнепрош. (категор.)

1ед. -di-m 1мн. -di-bit

2ед. -dî-ŋ 2мн. -dî-ÿit

3ед. -dî 3мн. -dî-lar

при отрицании

1ед. -badî-m 1мн. -badî-bit

2ед. -badî-ŋ 2мн. -badî-ÿit

3ед. -badî 3мн. -badî-lar

Прошед. незаконч.

1ед. -a/ŋr-îm 1мн. -a/ŋr-îbit

2ед. -a/ŋr-îŋ 2мн. -a/ŋr-îÿit

3ед. -a/ŋr-a 3мн. -a/ŋr-lar-a

при отрицании

1ед. -bat-îm 1мн. -bat-bit

2ед. -bat-îŋ 2мн. -bat-ÿit

3ед. -bat-a 3мн. -bat-lar-a

В третьем лице происходит оформление личным показателем, что нетипично для исконных форм и показывает вторичность таких образований. Ср. также ниже.

Преждепрош. повеств.

1ед. -bit-îm 1мн. -bit-îbit

2ед. -bit-îŋ 2мн. -bit-îÿit

3ед. -bit-a 3мн. -bit-lar-a

при отрицании

1ед. -batax-îm 1мн. -batax-bit

2ед. -batax-îŋ 2мн. -batax-ÿit

3ед. -batax-a 3мн. -batax-lar-a

Давнопрошедшее эпизодическое образуется от этой основы с помощью -lāx и личными показателями.

Будущ.

1ед. -ia(xî)-m 1мн. -iax-bit

2ед. -ia(xî)-ŋ 2мн. -iax-ÿit

3ед. -ia(x)-a 3мн. -iax-lar-a

Отрицательные формы отмечены только в единственном числе для 1 и 2 лица $-(i)m-ia-$ m , $-(i)m-ia-ŋ$, в других случаях используется описательный оборот с $suox < *jōk$. В этого времени довольно выражен оттенок определенности в законченности действия в будущем.

Предполож. конкр.

1ед. $-dax-īm$ 1мн. $-dax-ībīt$

2ед. $-dax-iŋ$ 2мн. $-dax-iyīt$

3ед. $-dax-a$ 3мн. $-dax-lar-a$

при отрицании

1ед. $-ba-dax-īm$ 1мн. $-badax-bīt$

2ед. $-ba-dax-iŋ$ 2мн. $-badax-yīt$ + $buolo$

3ед. $-ba-dax-a$ 3мн. $-badax-lar-a$

Для избежания в отрицательном спряжении с преждепрошедшим повествовательным используется служебное слово $buolo$.

Как видно по семантике временных образований и наклонений главным значением личных показателей является перфективность в отличие форм с показателями сказуемости. Такое семантическое переосмысление является уникальным для тюркских языков и его следует считать инновацией. На базе вышеприведенных "слитных" форм и сочетаний их со вспомогательными словами $suox$ 'нету', $bār$ 'есть', $eŋe$ 'существование', а также в результате сочетаний деепричастий и причастий с временными формами глаголов $e-$ 'быть', $tuŋ-$ 'стоять' образуется еще около 25 видов аналитических конструкций. Общий принцип их построения и модификаций значений соответствует общетюркскому, однако, в результате того что выбор того или иного причастия или вспомогательного глагола в каждом языке имел завязку на свою конкретную глагольную морфологию словоизменения, выделить конкретные и действительно пратюркские аналитические конструкции представляется проблематичным. По-этому они здесь не рассматриваются.

Особый вид личных глагольных окончаний представлен только в повелительном наклонении:

1ед. $-īm$ 1мн. $-iax, -iax-iŋ$

2ед. -0 2мн. $-iŋ$

3ед. -dın 3мн. -dın-lar

при отрицании

1ед. -(i)m-īm 1мн. -(i)m-iax, -(i)m-iax-ıj

2ед. -(i)ma 2мн. -(i)m-ıj

3ед. -ba-dın 3мн. -ba-dın-lar

Форманты первого лица восходят к пратюркским *-aji-m и *-aji-k, отмеченных во многих тюркских языках. Нетривиальное развитие гласных находит соответствие в азербайджанском, где в первом случае -im, а во втором -aG. Во втором лице множественного числа особый показатель -ıj, характеризующий данное наклонение, отмеченный и в руническом тюркском, среднетюркских памятниках, узбекском и огузских языках. В других языках он как правило заменяется взятым из личного спряжения аффиксом, что вторично. В третьем лице -dın < раннеяк. -đın < *-sun (ср. аффиксы -da, -dar). Разница -iax и -iax-ıj передается как противопоставление 'мы с тобой' и 'все мы'. Можно это интерпретировать как двойственное число, но никаких следов двойственного числа в тюркских не отмечено. Более вероятным является: видеть во втором случае композит с показателем 2 лица множественного числа. И также необходимо учесть, что если в единственном числе нулевой показатель, то -ıj во множественном числе может отражать просто показатель множественности для повелительного наклонения. В языках Сибири и диал. туркменском отмечено такое же противопоставление, и логика там такая алт. -ālik и -ālik-tar, хак. alaj и alaj-ar, шор. alāj и alāj-nağ (множественность), тув. -alıl и -alılı-nağ (2л. мн.ч.), туркм. alalı и alalı-ıj (как в якутском, причем в языках огузской группы сохраняется архайчное 2 л. мн.ч.). Распределение деназализованных показателей отрицания зависит от вокального или консонантного начала следующего аффикса, см. выше.

Из аффиксов словообразования следует отметить -lā-, образующий отыменные глаголы и восходящий к пратюрк. *-la-; -ır-, образующий глаголы от прилагательных < пратюрк. *-Vr-; -ā-, -ıj- непродуктивный аффикс отыменных глаголов < пратюрк. *-a- и узких гласных *-u-, *-ı-. При образовании залоговых форм в каузативе используются аффиксы -ar-, -ıar-, -tar-, -t- из пратюркских *-ar-/ *-dur-, *-gar-, *-tur-, *-t-. Наиболее продуктивными являются два последних аффикса - первый после согласных, а второй после гласных. После плавных и носовых дентальных согласных аффикс -ağ восходит к пратюрк. *-dar- после морфонологического уподобления предшествующему сонанту. В этих случаях в руническом тюркском и у Махмуда Кашгарского отмечен -dur- (в отличие от продуктивного -tur-), а в чувашском -ar- (ср. як. ölö-, чув. vǝler-, МК öldür- 'убить'), хотя в остальных тюркских произошла унификация -tur- и -dur- > -tur-. Аффиксы медиального залога -n- и взаимного -s- восходят к пратюрк. *-nл и *-l-.